

3. И. Коженевска-Берчинска, Образ человека в континууме публицистики. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, Olsztyn 2001.
4. И. Коженевска-Берчинска, Когнитивные потенции новых словосочетаний и фразеологизмов. „Acta Polono-Ruthenica” XIV, 2009 rok, с. 415-421.
5. В.П. Руднев, Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Изд. АГРАФ, Москва 1999.
6. Э. Фромм, Бегство от свободы. Прогресс, Москва 1990.
7. М. Элиаде, Сакрум. Миф. История. Прогресс, Москва 2000.

Принятые сокращения.

АиФ «Аргументы и факты»

Гол «Голос»

Журн «Журнал»

ЛГ «Литературная газета»

МН «Московские новости»

НГ «Независимая газета»

Ог «Огонек»

Пр «Правда»

Соврем. Драм. «Современная драматургия»

Ех „Megapolis Express”

УДК 811.161.1:81'373.21

Шокотько Л.Е.
(Донецк, Украина)

СОЮЗНЫЕ ФУНКЦИИ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье анализируются союзные функции усилительных частиц в языке древнерусской литературы. Описаны особенности употребления союзов в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

Ключевые слова: *частица, усилительное значение, союзная функция, сложное предложение.*

У статті аналізуються сполучникові функції підсилюючих часток у мові давньоруської, описуються особливості вживання сполучників в складносурядних та складнопідрядних реченнях.

Ключові слова: *частка, підсилююче значення, сполучникова функція, складне речення.*

The conjunction functions of intensified particles in the language of the Old Russian literature are analyzed. The peculiarities of application of conjunctions in the compound and complex sentences are described.

Key words: *particle, intensified meaning, conjunction function, complex sentence.*

Усилительное значение, наряду с выделительно-ограничительным, – одно из основных в языке. В древнерусском языке оно выражалось частицами *же, ведь, даже, и, да, ну, вот, ни, бо*.

История изучения частиц, в том числе и усилительных, насчитывает несколько столетий, однако в отдельную категорию они были выделены лишь в конце XIX века. Составители первых грамматик Лаврентий Зизаний и Мелетий Смотрицкий относили усилительные частицы к наречиям [1; 2], М.В. Ломоносов – к условным союзам [3], А.А. Барсов, – к «сопрягательным, противительным и винсловным союзам» [4 : 151], А.А. Шахматов – к союзам и «глагольным наречиям» [5].

А.М. Пешковский, соглашаясь с термином «частица», тем не менее, не выделял их в отдельный разряд. Усилительные частицы он включает в группу усилительных, или выделительных слов [6].

В.В. Виноградов выделил группу усилительных, или выделительно-ограничительных частиц, к которой относил *и, даже и, только, лишь, хоть, а, да, же, единственно, исключительно, решительно, положительно, определенно, просто* и др. [7]; Е.М. Галкина-Федорук включила усилительные частицы в «подразряд» эмоциональных и экспрессивных частиц, выражающих оттенки эмоциональных значений [8]; А.Н. Гвоздев к усилительным относил частицы, «подчеркивающие слово, на которое падает фразовое ударение»: *-то, же, ни, и; даже, прямо, просто, это, именно, уж*» [9].

В «Русской грамматике» описывается большая группа частиц, «подчеркивающих (усиливающих, акцентирующих) сообщение или какую-то его часть: *благо, будто, было б, ведь, вот всего, едва ли не, еще, же, и, и есть, лишь, неужели, никак, ну, ну уж, прямо, только, уж, что за, что ни (на) есть* и др.» [10]

Усилительные частицы часто выполняют функции, близкие к союзным: «Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи» [7 : 522-523]

Наиболее интересны в этом отношении *ведь, бо и же*.

В словарных статьях *ведь* и *же* квалифицируются следующим образом: *ведь* – как союз, употребляющийся в уступительных предложениях, в предложениях, служащих обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в первом предложении, открывающий главное предложение после условного, и как усилительная частица [11; 12; 13; 14]; *же* – как союз противительный, сопоставительно-противительный и присоединительный, а также усилительная и отождествительная частица [13; 14; 15; 16].

Частица *бо* в современном русском языке не употребляется, поэтому ее описание приводится только по Словарю русского языка XI-XVII вв. [18]:

1. Союз, в значении *так как, потому что, ибо*.
2. Частица усилительная, в значении *же, ведь*.

Эти слова соединяют высказывания, содержащие информацию о событиях, явлениях, находящихся в каких-то отношениях друг с другом: сопоставления, противопоставления и т.п. Так, *же* обычно связывает текстовые фрагменты, имеющие ассоциативные, функциональные, причинно-следственные, условно-следственные и другие связи.

Исследование контекстов употреблений лексемы позволило выявить следующие основные сферы ее проявления:

1. Частица выполняет сопоставительную функцию и семантически сближается с союзами **а**, **но**, иногда – **и**, причем могут сопоставляться:

а) предметы:

(1) <...> бһсь в Филиппһ вздвьял и начал кричать, и вопит(ь), и чепь ломат(ь), бһсяс(ь). На всһх дамашних ужас нападе, и голька бысть велика зһло. Аз **же** без испра||вления приступил к нему, хотя ево укротить, но бысть не по-прежнему (АЖит, с. 65);

б) события:

(2) <...> у нас в Соловецком м(о)н(а)стырһ с(вя)тии о(т)цы и братия начаша тужити и плакати горко <...> Паче **же** всһх прежреченный Мартирий-с(вя)щенноинонок облива-шешя горкими многими слезами <...> (ЕЖит, с. 82).

в) некое потенциальное множество и единичный элемент:

(3) «Ковчег же еще не совершен, времени на дһло надобе 40 лһтъ. Не стерпһ ярость г(о)с(по)дня до урочных лһтъ, посла анг(е)ла своего к Ною, да совершить ковчегъ. Анг(е)ль **же** г(о)с(по)д(е)нь в три дни совершил (АСоб, с. 108).

Же может маркировать следующие виды сопоставительных отношений между соотносимыми текстовыми фрагментами:

1. Отношения противопоставления. Так, в примере (3) содержатся три пары соотносимых единиц:

а) обстоятельственные группы – «временное» противопоставление (40 лһтъ и три дни);

б) именные группы, первая из которых не выражена эксплицитно (строители ковчега и анг(е)ль);

в) предикативные единицы (не совершенъ и совершилъ).

2. Частица-союз **же** связывает высказывания, не противопоставленные друг другу, а представляющие линейно следующие во временной последовательности события, действия, т.е. выполняет функцию сопоставительно-противительного союза **а**:

(4) И вьскочилъ ко мнһ в кһлю бһс, яко злой и лютой разбойникъ, и ухватилъ мене за горло, и нача давить. Аз **же**, грһшный, завопһлъ к' б(огороди)це сице: «Б(огороди)ца, б(огороди)ца, помози ми!». Он **же** и исчез, и не вһм, како дһлся. Аз **же** о семь прославих Хр(ис)та-б(о)га || и б(огороди)цу <...> (ЕЖит, с. 119).

3. Высказывание с **же** не противоречит соотносимому с ним, а наоборот, развивает логику ситуации:

(5) И рече ми старецъ: «Иди, о(т)че, Х(ристо)с с тобою <...>». И бл(а)г(о)с(ло)ви мя в кһлю ити. Аз **же** со бл(а)г(о)с(ло)вениемъ старцевым идох в кһлю ту, идһже бһсь живет (ЕЖит, с. 83).

4. Частица вводит высказывания, подтверждающие истинность предшествующей информации, точки зрения говорящего, правильность принятого решения, обосновывающие настоятельность просьбы, и т.д. (синонимична **ведь**, в древнерусском языке – **бо**).

(6) Вотъ вам <...> предлагаю житие свое <...>. Ав'ва Дарофей описаль **же** свое житие уч(е)никам своимъ, понуждая ихъ на таяжде <...>; И я такожде <...> сказываю вамъ дһема мною <...> (АОбращ, с. 11).

3. **Же** обидит предложения, которые задают временную рамку предыдущей пропозиции, причем **же** может оформлять как придаточное, так и главное предложение, а также располагаться в обеих частях:

(7) Егда **же** изгнать бысть Адам, вся тварь вознегодова на преступника (АСоб, с. 105);

(8) И егда нача в м(о)н(а)ст(ы)рѣ к заутрени бл(а)говѣстити, старецъ **же** скоро воста и прижався ко оградичѣ м(о)н(а)ст(ы)рской, молящеся с вѣроу сердечною, теплоу прилѣжно (ЕЖит, с. 120);

(9) Егда **же** аз прибрел к Москвѣ к д(у)х(о)внику ц(а)р(е)ву, протопопу Стефану, и к другому протопопу, к Неронову Ивану, они **же** обо мнѣ ц(а)рю известиша, и с тѣхъ мнѣсть г(осу)д(а)рь меня знать почал (АЖит, с. 20).

Веть и **бо** употреблялись значительно реже. Выражая причинно-следственные отношения, они в то же время выполняли следующие функции:

1) сохраняли собственно усилительное и выделительное значения, актуализируя значение принадлежности: (10) Не дивно бы ми было, о(т)че с(в)я(т)ый, аще бы ми послал б(о)гъ оленя, или соболя, или лисицу драгу, или ин звѣрь: то **бо** их дом и жилище. (ЕЖит, с. 115);

2) вносили значение количественной или качественной характеристики объекта: (11) <...> в лотку сѣдше, <...>, поехали, ничево не бояс(ь). А во иную су пору и боялис(ь), человекы **бо** есмы <...> (АЖит, с. 41);

3) вводили предложение, поясняющее мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания: (12) Писано моею грѣшною рукою сколько Богъ даль; лучше того не умю. Глупъ **вѣдь** я гораздо, – такъ, человеку ни к чему негодно <...> (АЧел, с. 932).

Кроме того, **веть** может вводить контраргументацию: в этом случае части предложения связывают отношения противопоставления, возможно, даже взаимоисключения:

(13) За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? **Я веть** за вдовы твои сталь! (АЖит, с. 30).

Семантическая абстрактность частиц, нашедшая отражение в словарных статьях, объясняет максимальную зависимость их смысловой интерпретации от контекста. В то же время, даже выполняя союзную функцию, частица, как правило, ориентирована на некий фокус предложения, акцентируя внимание на каком-либо компоненте высказывания.

Сходство выполняемых функций все же не позволяет сделать вывод о тождественности союзов функций **же** и **ведь**. Наиболее четко различия между ними проявляются, когда речь идет о необходимости выбора в условиях конфликтных мнений, т.е. об аргументативной функции [19].

Же обычно вводит аргумент А в пользу модификации введенного ранее В и гораздо реже используется для поддержания В. **Ведь**, наоборот, чаще вводит аргумент в пользу В. Ср.:

(14) Я, идучи, говорю: «Не надѣйтесь на кн(я)зя, на с(ы)ны ч(е)л(о)вѣчская, в них **же** нѣсть спасения», и прочая (АЖит, с. 47) и

(15) Писано моею грѣшною рукою. Сколько Богъ даль, лутче тово не умю. Глупъ **вѣть** я гораздо. Такъ, человекенко ничему негодной (АКнТолк, с. 576).

Же вводит информацию, предполагающую прямые поведенческие следствия из нее, путем возврата к известному (в них <...> нѣсть спасения). Предложения с **ведь** (А) представляют собой не столько аргумент, сколько объяснение условий, предопределяющих В.

Информация, вводимая с помощью **же**, известна или очевидна. Напротив, **ведь** актуализует отсутствующий у слушающего элемент информации, обуславливающий выбор. Ср.:

(16) <...> в празники же, и в суботы, и в н(е)д(н)ли, просто молимся стояще, поклоны по уставу творим поясные и в церкви, и в кнлье <...>. Субота бо есть упокоения д(е)нь, в он же г(о)с(по)дь почи от всхх днль своих <...> (АЖит, с.78) и

(17) Простите мя, о(т)цы с(вя)тии и братия! Согрншил я: много **веть** я мурашей тех передал, а иных огнем пережегъ, а иных варом переварил, а иных въ землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водн (ЕЖит, с. 91).

Обе частицы соединяют текстовые фрагменты, связанные причинно-следственными отношениями. В то же время предложения, введенные с их помощью представляют собой изложение фактов, поясняющих, подтверждающих истинность предыдущего высказывания. Но если **же** маркирует возврат к уже известному (предполагается, что суббота как день, в который г(о)с(по)дь почи от всхх днль своих, является фактом общеизвестным), то **ведь** вводит информацию, абсолютно новую для слушающего. В этом случае частицу можно назвать «**ведь** пояснительным».

Введение высказываний с **ведь** предполагает включение данных, не только отражающих действительность, но и сообщающих о факторах, обеспечивающих

а) правильную интерпретацию фактов, правильное знание (установление правильных причинно-следственных связей), т.е. описываемая ситуация интерпретируется как чисто когнитивная: (18) Да уже тому, отче Ионо, со Гряжских книгъ книги печатють, таковы и иконы днлають. Ннмцы, **вндь**, иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишутъ, каковы сами волосаты, таковы и образы счиняють (АЧел, с. 898).

б) выбор правильного сценария поведения – ситуация интерпретируется как когнитивно-поведенческая: (19) Марья Герасимовна! Не пререкуйте же вы пред старицею-то съ Евдокиєю: она **вндь** ангельский чинъ содержать, а вы простые бабы, – грнхъ вамъ пред нею пререковать (АКнБес, с. 399).

В отличие от современного русского языка, в языке XVII века высказывания с **ведь** значительно чаще описывали ситуации, интерпретируемые как когнитивно-поведенческие, чем чисто когнитивные, т.е. предполагалось переосмысление ситуации и, как следствие, изменение поведенческой установки.

Изучение семантических и функциональных особенностей частиц в XVIII, XIX, XX веках, а также изменений, которые претерпевали ограничительные слова, позволит написать историю частиц.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. АЖит – Житие Аввакума // Пустозерский сборник Н.И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л.: Наука, 1975.
2. ЕЖит – Житие Епифания // Пустозерский сборник Н.И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л.: Наука, 1975.
3. АСоб – Аввакум. Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека // Пустозерский сборник Н.И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л.: Наука, 1975.
4. АОбращ – Поучение ав'вы Дороефа о любви и обращение Аввакума к «питомникам церковным» // Пустозерский сборник Н.И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л.: Наука, 1975.

5. АЧел – Аввакум. Челобитные, послания, поучения и письма. // Памятники истории старообрядчества XVII века. Книга первая. Вып. 1. // Русская историческая библиотека. – Л., Издание Академии Наук СССР, 1927.
6. АКнТолк – Аввакум. Сочинения с именем «Книга»: Книга толкований и нравоучений // Памятники истории старообрядчества XVII века. Книга первая. Вып. 1. // Русская историческая библиотека. – Л., Издание Академии Наук СССР, 1927.
7. АКнБес – Аввакум. Сочинения с именем «Книга»: Книга бесед // Памятники истории старообрядчества XVII века. Книга первая. Вып. 1. // Русская историческая библиотека. – Л., Издание Академии Наук СССР, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зизаний Лаврентий. Грамматика словенска об искусстве совершенного осми частей слова (1596 г.). Факсимильное издание. / Зизаний Лаврентий. – К. : Наукова думка, 1980. – 55 с.
2. Смотрицкий Мелетий. Грамматики словенския правильной синтагма (1619 г.) / Мелетий Смотрицкий. – К. : Наукова думка, 1979. – 111 с. – (Пам'ятки української мови XVII ст.) / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні.
3. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений : [в 11 т.] / М.В. Ломоносов. – М. – Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. – 1952. – 591 с.
4. Барсов А.А. Российская грамматика. / А.А. Барсов. – М. : Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. / А.А. Шахматов. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941. – 620 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – [6-е изд.] – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. – 450 с.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). / В.В. Виноградов. – [2-е изд.] – М. : Высшая школа, 1972. – 616 с.
8. Современный русский язык: учебник для филологических факультетов университетов. Часть II (Морфология. Синтаксис). / В.А. Белошапкова, Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова и др.; [под ред. Е.М. Галкиной-Федорук]. – М. : Издательство Московского университета, 1964. – 640 с.
9. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. / А.Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1967. – 432 с.
10. Русская грамматика: в 2 т. / [под ред. Н.Ю. Шведовой] – М. : Наука, 1980. Т. 1. – 784 с.
11. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г.А. Богатова]. – Вып. 2. – М. : Наука, 1975. – 319 с.
12. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – Т. 2. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 1394 стлб.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. [под ред. Н.Ю. Шведовой] / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1978. – 921с.
14. Словарь русского языка в 4-х томах / [под ред. А.П. Евгеньевой]. – Т. I. – М. : Русский язык, 1981. – 696 с.

15. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г.А. Богатова]. – Вып. 5. – М. : Наука, 1978. – 392 с.
16. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – Т. 4. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 1364 стлб.
17. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Ф.П. Филин]. – Вып. 1. – М. : Наука, 1975. – 371 с.
18. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / [А.Н. Баранов, К. Бонно, Н.Б. Василевская и др.] ; под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 447 с.

УДК 811.11:81'322.5/.373.7

Сарміна Г.Л.
(Київ, Україна)

ВАРІАТИВНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ У НІМЕЦЬКОМОВНИХ ШАНТАЖНИХ ЛИСТАХ

У статті проаналізовано варіативність фразеологічних одиниць у німецькомовних шантажних листах, розкрита природа появи варіантів, модифікацій та помилок у вживанні стійких сполук, визначена їх роль та розкриті чинники, що обумовлюють принципи і мотиви варіативності фразеолексем.

Ключові слова: фразеологізм, варіант, модифікація, шантажний лист, кримінальна комунікація.

В статье проанализирована вариативность фразеологических единиц в немецкоязычных шантажных письмах, раскрыта природа возникновения вариантов, модификаций и ошибок в употреблении стойких словосочетаний, определена их роль и раскрыты факторы, которые обуславливают принципы и мотивы вариативности фразеолексем.

Ключевые слова: фразеологизм, вариант, модификация, шантажное письмо, криминальная коммуникация.

The article analyzes variability of phraseological units in the German blackmail letters, the nature of variants, modifications and errors in the usage of set phrases was defined, the role and factors that cause principles and reasons of phraseolexems variability were determined.

Key words: phraseologism, variant, modification, blackmail letter, criminal communication.

Фразеологія є мовною універсалією та найбільш емоційним та образним пластом мови. У лексичному складі німецької мови стійкі словосполучення утворюють значний комплекс мовних одиниць та посідають чинне місце серед засобів номінації різноманітних об'єктів та явищ реального світу, а фразеологічний фонд мови та притаманні йому трансформації є одним із найпродуктивніших джерел аналізу. Про це свідчать численні